

ШТРИХИ К ОБРАЗУ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

А.А. ПЕЛИПЕНКО

Целостная концепция российской цивилизации, как, впрочем, и всякой другой, не может быть развернута в формате небольшой статьи: речь может идти лишь о предельно лапидарном изложении основных тезисов.

Начать стоит с одного из существеннейших моментов генезиса всякой цивилизации/культурной системы¹, который, как представляется, незаслуженно обойден вниманием исследователей. Речь идет о порядке *перехода между архаическим и большим обществом*. То, как протекает этот переход, в огромной степени определяет всю дальнейшую историческую судьбу того или иного общества. Если переход к большому обществу осуществляется в имманентном режиме, т.е. на основе внутренних и вполне созревших предпосылок, как это было, к примеру, в большинстве очаговых цивилизаций² Древнего Востока, то это придает данной культурно-цивилизационной общности внутреннюю монолитность и органичность исторического бытия. Если же порядок большого общества привносится извне, то уже само это чревато своего рода «родовой травмой» при переходе в новое качество. Травма может быть легкой, «нестыковка» культурно-поведенческих программ и жизненных стратегий – преодолимой или, по меньшей мере, вытесняемой из внешнего плана жизни. Но бывает и так, что нестыковка оказывается фатальной. Родовая травма перерастает в тяжелый невроз, и вся система несет в себе неизлечимый органический порок, умирающий, увы, лишь вместе с народом-носителем. Российской цивилизации в этом отношении крупно не повезло. Пакет программ большого общества оказался нахлобученным на непреобразованную историческим опытом архаику так криво и чудовищно, что в результате рождается не просто внутренне противоречивая цивилизация – внутренние противоречия присущи, как известно, любому жизнеспособному цивилизационному образованию, – а цивилизация болезненно расколота³, где противоречия носят не продуктивный, а деструктивный характер.

Всякая культурная система (и цивилизация) призвана решать некий стандартный набор базовых общеантропологических задач, ради которых она и возникает. Одна из самых главных в этом наборе – задача *медиации*, т.е. опосредования связи между смысловыми полюсами, которые, в свою очередь, возникают как жизненно необходимая разность потенциалов внутри социокультур-

ного космоса. Во всех послеосевых цивилизациях утверждение *логоцентризма*, при всем разнообразии вариантов, привело к установлению общей типовой конфигурации: культурно-цивилизационная динамика определялась процессом продуктивной смысловой медиации между полюсами, которые можно обозначить как *Должное и Сущее*. Будучи изофункциональным коррелятом таких системообразующих оппозиций, как Творец/Творение, Добро/Зло и т.п., эта пара манифестирует дихотомию двух космических уровней метафизического идеала бытия, трансцендентного и потому практически недостижимого, и наличной культурно-цивилизационной реальности. Причем, чем более зрелые формы принимает в тех или иных ареалах логоцентрический синтез, тем сильнее выражена эта дихотомия. И каждая культура находит свою особую формулу медиации

Российская цивилизация, состоящая из двух, плохо пригнанных друг к другу слоев, никогда не была внутренне органичным и системно организованным целым. Каждый слой, живя собственной жизнью, отторгал другой. Вся российская история — это, в известном смысле, бесконечное перетягивание каната между репрезентирующим большое общество деспотическим государством и локальными сельскими мирами, не нуждающимися ни в каком государстве и стремящимися подальше от него отодвинуться как в географическом, так и в социокультурном пространстве⁴. Цивилизационные слои переплетались, сталкивались, конфликтовали, но никогда не образовывали *органичного целого*. **Поэтому российская цивилизация и не выработала универсальных форм общекультурной медиации.**

Второй момент — неизбывная проблема самоопределения российской цивилизации в координатах Восток — Запад. В широкой перспективе исторический путь России представляется не самодостаточным, а звеном в цепи макроисторического процесса. В раннем Средневековье относительно монолитная христианская доктрина и соответствующая ей цивилизационная парадигма расщепились на две противостоящие субпарадигмы.

Одна, вырастающая из Античности, окончательно сформировалась в западном христианстве. Всякое полагание дуальной оппозиции тут имеет последствием образование промежуточного блока смысловых возможностей — *зоны медиации*. Поначалу осмысливаясь и о-значааясь как целое (нерасчлененно целостное), этот блок затем подлежит дальнейшей дискретизации и дроблению на вновь образуемые бинарные оппозиции. Субъект переживает при этом состояние не-дуальности (единства с самим собой, с миром и с Богом), как *внутренний момент бесконечно длящейся*

прогрессии снятия (в диалектическом смысле) бинарных оппозиций на пути к их полному синтезу в трансцендентном Абсолюте. Как раз этот принцип — а он пронизывает весь универсум культуры — и стал основой спекулятивизма, прогрессизма, прагматизма, утилитаризма и т.п. «измов», в совокупности образующих *европеизм*. На нем же основана последовательная *имманентизация* всех сущностей, включая сущности сакральные, что, в конце концов, и приводит к «расколдовыванию мира» по Веберу, а затем — к отчуждающей десакрализации его последних оснований.

В восточной же христианской традиции доминирует парадигма *инверсионная*⁵. В разорванном сознании и, соответственно, в самой культуре полюса бинарных оппозиций разводятся сколь возможно далеко и радикально. Медиативные связи слабы и неустойчивы, из-за чего распад синкретизиса заторможен. И все же «нелегитимное» и спонтанное усложнение картины мира неизбежно — и вот на это культура «отвечает» инверсионной перекодировкой полюсов. В самом процессе такой перекодировки субъект переживает партиципацию к трансцендентному (т.е. к непротиворечивому и не-дуальному), поскольку все имманентные (т.е. дуальные) положенности оказываются снятыми. А по ее свершении новые дуальные состояния сакрализуются и нормативизируются. При этом каждый из полюсов вновь положенной оппозиции, восстанавливаясь в своем синкретическом качестве, вбирает в себя смыслы, не освоенные на предыдущем этапе. Отсюда — традиционализм и стремление к перманентному самовоспроизведению в неизменном, по возможности, качестве. При этом различие западно- и восточнохристианских цивилизационных парадигм представляется показательным примером *диалектического* взаимодействия по принципу *комплементарности*, имеющего не случайную, а глубоко детерминированную историческую траекторию.

Вышеописанная логика макроисторического взаимодействия объясняет и то, что *высшей формой имманентного социально-исторического развития российской цивилизации является феодальная империя*. Как только внешний «прогрев» новоевропейской либеральной цивилизации ослабевает или вовсе сходит на нет, Россия мгновенно откатывается к своему естественному состоянию — агрессивному имперскому изоляционизму феодального типа. И модернизации российские оказываются подчиненными этой парадигме: суть их не в преобразовании всего общества в либеральном духе, а в подтягивании военно-технологических и связанных с ними сфер для более эффективного противостояния этому самому Западу. Феодальный характер российской имперско-

ти заслуживает особого внимания. (Поясним, что феодализм понимается здесь не в классическом марксистском духе. Суть его не в особенностях земельно-собственнических отношений и вообще не в экономике в первую очередь. Феодализм — это явление прежде всего ментальное и, как следствие этого — общекультурное и цивилизационное.) Обобщенно говоря, феодализм — это не экономический уклад, а состояние души. Не удивительно, что, имея «в тылу» неизжитую архаику, большое общество не в состоянии подняться над уровнем феодальных отношений. Жизнь по договоренностям как альтернатива архаической традиции, а феодальная рента как альтернатива общинной распределительности — это предел. Разумеется, в синкретическом российском социокультурном космосе, где ничего до конца не рождается и ничего до конца не умирает, всегда пестрела многоукладность: от рабовладения до начал буржуазности. Но что бы ни выдвигалось на роль общественно признанной доминанты, главной несущей конструкцией, обеспечивающей социальный порядок, был феодализм. Государство, постоянно озабоченное укрощением архаическо-варварской низовой стихии в принципе не может перерасти в государство буржуазное, а жизнь по договоренностям — перерасти в жизнь по закону. Потому-то и отторгается из века в век буржуазность во всех ее проявлениях.

Выходя из средневекового монотеизма вместе с европейцами и мусульманами, в качестве доминирующей конструкции россияне унаследовали биполярную модель мира, где пессимистическому полюсу мироотречения противостоит оптимистический полюс эсхатологии.

В Европе Ренессанс и Реформация реабилитировали тварный мир и человека, покончив с парадигмой мироотречения. Затем, по мере становления новоевропейского антропоцентризма, угасла и эсхатология, оставив за собой скромную, почти ничего не значащую в общекультурном контексте сферу формальной религиозности. Европейское общество, таким образом, радикально трансформировалось.

В Исламе сохранилась прежняя диспозиция. Оба полюса остались на своих местах. Традиционный, не приемлющий модернизации мусульманин твердо знает, как устроен мир, какое место ему в нем отведено, как ему жить и во имя чего умирать.

В России же, где под вуалью монотеизма с особой отчетливостью проступают дуалистические, манихейские (в широком смысле) основания, реализовался худший из возможных вариантов. Эсхатология, с падением коммунистической идеологии, умерла окончательно, а мироотречение осталось. Глубоко въевшееся в

ментальность, оно лишает российского человека воли к совершенствованию социального порядка и вообще мотивации к существованию. Мир ужасен и неисправим. Скачка в Небесный Иерусалим или в пресловутое «светлое будущее» не предвидится, а действительность безысходна. Поэтому на российских просторах властвует энтропия, а жизнь тосклива, бессмысленна и беспросветна.

Отвечая на вопрос, что было самым главным в постсоветской истории⁶, я неизменно отвечаю — смерть Должного. Его отдельные субдискурсы еще живут, мучительно угасая, но в целом Должное как фундаментальная конструктивная компонента биполярной средневековой ментальности и выстроенной под нее цивилизации, рухнуло. И в месте с ним рухнули не только идеократические идеалы, великие цели, сакральные ценности и т.п. Иисьяк источник духовной силы, разрушились моральные основы общественной жизни, пропал сам смысл исторического существования. Осталась инфантильная ностальгия по славному имперскому прошлому на фоне обвального одичания и вырождения. Нельзя не заметить, что любой, как теперь говорят, «позитив» современной официальной идеологии связан исключительно с восторгами по поводу прошлого величия. Но дальше смутных и бессодержательных демагогом (да простят мне сей неологизм) о его возрождении дело не идет. Всерьез в будущее заглядывать просто бояться, ибо его попросту нет.

Дух разложения, гниения, энтропии глубоко пропитал рефлектирующее сознание, априорно поместив любые его референции на пессимистический фон. Но, даже делая скидку на этот субъективный фактор, основания для исторического оптимизма найти трудновато. Глобальное цивилизационное противостояние с Западом, по сути своей, снято. Завершение холодной войны и распад СССР поставил на этом точку, как бы ни хотелось нынешней российской власти заменить ее многоточием. Фронт исторического развития сместился в сторону и новые цивилизационные процессы неумолимо набирают скорость. Это означает, что и Запад, в свою очередь, пришел к исчерпанию и снятию своего цивилизационного качества. Но это его проблемы.

Думается, что в самое ближайшее по историческим меркам время болезненно-наязчивое топтание вокруг «проклятых вопросов» будет снято распадом России и окончательным подрывом пресловутой «русской системы». И тогда предметом цивилизационного анализа станут уже другие, более локальные образования, самоопределяющиеся уже в совершенно ином историко-культурном и геополитическом контексте.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В дальнейшем я буду использовать эти тесно связанные понятия как взаимозаменяемые в рамках данного контекста.
- ² Термин Ю.М. Кобишанова.
- ³ Что давно очевидно и без соответствующих определений С. Хантингтона.
- ⁴ Поэтому, говоря о русской культуре, следует помнить, что помимо высокой городской письменной культуры Пушкина и Чайковского существовал и другой полюс, где бытовала почти нетронутая цивилизацией архаика.
- ⁵ Инверсионный характер российской цивилизации исследовался, в частности, А.С. Ахиезером.
- ⁶ Тема соотношения дореволюционной российской цивилизации с «несостоявшейся» советской – тема отдельного разговора.

Аннотация

Сопоставляя российскую и западную культурно-цивилизационные системы, автор отмечает их глубинные различия в аспекте ментальных основ и способов смыслообразования, основанных на разных техниках и принципах оперирования бинарными оппозициями. Отмечая комплементарность российской и западной моделей в широкой исторической ретроспективе, автор акцентирует внимание на проблеме неоптимальной, болезненной форме перехода от архаического к большому обществу на русской почве. Это обстоятельство, в свою очередь, выводится как одна из ключевых причин неустранимой расколотости русского/российского общества, его неспособности к само модернизации и, в конечном счете, его нежизнеспособности в исторической перспективе.

Ключевые слова:

должное и сущее, инверсия, комплементарность, империя, медиация, ренессанс, реформация, просвещение.

Summary

Comparing Russian and western cultural-civilization systems, the author marks their deep distinctions in aspect of mental bases and ways of sense forming, based on different techniques and principles of operation with binary oppositions. Marking the complementarity of Russian and western models in a wide historical retrospective show, the author focuses attention on a problem of not optimal, painful form of transition from archaic to the big society on Russian soil. This circumstance, in its turn, is deduced as one of the key reasons of ineradicable splitting of the Russian/Russian society, its inability to self-modernization and, finally, to its frailty in historical perspective.

Keywords:

due and real, inversion, complementarity, empire, mediation, the Renaissance, Reformation, education.